

УДК 001.8

ПОНЯТИЕ «РЕГИОН» И ПРЕДМЕТНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНОВЕДЕНИЯ

КИРЕЕВ**Антон
Александрович**

Кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии Школы региональных и международных исследований Дальневосточный федеральный университет, ул. Суханова, 8, Владивосток, Россия, 690950

KIREEV**Anton
Aleksandrovich**

Ph.D. in political science, associate professor, associate professor of the department of political science, School of Regional and International Studies

Far Eastern Federal University, 8, Sukhanova Street, Vladivostok, Russia, 690950

antalkir@yandex.ru

© Киреев А.А., 2014

Целью статьи является обзор и оценка предметно-методологического состояния современного регионоведения. Предметообразующее для данной науки понятие «регион» рассматривается в качестве маркера парадигмальных разногласий между регионаловедом. Перспектива развития регионоведения как единой науки связывается с определением её предмета и методологии на основе постнеклассической парадигмы. Реализация этой перспективы предполагает решение проблем дифференциации и типологизации функциональных регионов, выявления содержания и механизма их связи, выделения базовых регионов и определения границ регионального управления.

Регионоведение, регион, пространство, парадигма, предмет, методология, интегральный регион

THE CONCEPT OF «REGION» AND SUBJECT-METHODOLOGICAL PROBLEMS OF REGIONAL SCIENCE

The aim of the article is to review and assess of subject-methodological state of contemporary regional studies. Concept of «region» is considered as a marker of paradigmatic differences between regional scientists. Further development of regional studies as a unified science is associated with the definition of its subject and methodology based on postnonclassical paradigm. Implementation of this vision involves solving problems of differentiation and typologization of functional regions, identifying the content and mechanism of their causal relationships, defining basic regions and determining the boundaries of regional management.

Regional science, region, space, paradigm, subject, methodology, integral region

Введение

Несмотря на то, что история термина «региональная наука»¹ насчитывает уже не менее шести десятилетий, широкая (хотя и не всегда ясно рефлекслируемая) дискуссия о содержании и степени единства обозначаемой им научной области продолжается до настоящего времени. Вполне закономерно, что узловым пунктом этой дискуссии является толкование и формальное определение понятия «регион». В самом деле, если регионалистика действительно обладает внутренним предметным единством – в качестве научной дисциплины, комплекса дисциплин или же междисциплинарной области на их стыке – то главной скрепой, ядром этого единства должно быть названное выше понятие.

Однако и самое беглое знакомство с литературой убеждает в том, что именно в этом центральном пункте разногласия, существующие внутри и без того очень рыхлого регионоведческого сообщества, достигают своего апогея. Обзор множества дефиниций, которые даже в наиболее полных и добротных учебниках по регионоведению обычно приводятся в виде несистематизированного списка [6, с.21–22; 22, с.8–11; 32, с.37–39], показывает, что их сходство, по сути, исчерпывается пониманием региона как части некоего пространственного целого. Если попытаться уточнить это предельно абстрактное определение, то можно сказать, что в сегодняшнем научном и образовательном обороте термин «регион» фактически утвердился в качестве наиболее общего, родового обозначения любой единицы организации пространства, независимо от её масштаба (таксономического уровня) и сущностной, качественной природы конституирующих её связей.

Значительно меньше согласия между исследователями существует в вопросе об

основных свойствах региона. Чаще всего в числе таковых свойств региона как единицы организации пространства называют целостность (внутреннюю связность), специфичность (обособленность, отличие от окружающего мира, от других регионов) и функциональность (выполнение определённой роли в рамках пространственного целого). На наш взгляд, указанные свойства (а также ряд реже выделяемых признаков региона – автономность, иерархичность и т.д.) можно обобщить в такой комплексной характеристике как системность. Системности различных региональных образований посвящена обширная литература [8]. Эта характеристика региона получила своё выражение в междисциплинарной категории «региональная (территориальная) система», а также во внутридисциплинарных понятиях «геосистема» (физическая география), «экосистема» (экология), «территориальная хозяйственная система» (экономика), «социокультурная система региона» (социология), «региональная политическая система» (политология). Если добавить к этим категориям терминологически менее явно заявляющие о своей системности, но указывающие на неё содержательными определениями понятия (например, «геоценоз», «биогеоценоз», «ландшафт», «территориально-производственный комплекс» и многие другие), то нельзя не признать, что представления о системной организации региона в современных региональных исследованиях распространены очень широко. Тем не менее, эти представления не являются господствующими. Немало регионоведов отказываются считать системность универсальным свойством региональных образований, а некоторые из авторов предлагают рассматривать системные качества регионов не как объективную данность, но как продукт конструирования [16]. Иными словами, готовность исследователей относить регионы к системным объектам зависит от их методологических предпочтений, а, в конечном счёте – от занимаемой ими

¹ Термины «региональная наука», «регионоведение» и «регионалистика» используются в настоящей статье как синонимичные.

мировоззренческой (парадигмальной) позиции.

Данное выше исходное, рамочное определение региона отсылает к ещё более общему и фундаментальному понятию пространства. Поскольку «пространство» является научно-философской, в буквальном смысле универсальной, мировоззренческой категорией, то в её использовании методологические и парадигмальные расхождения между учёными (в том числе географами) обнаруживают себя особенно рельефно. Для того чтобы прояснить глубину этих расхождений, необходимо вкратце описать эволюцию категории «пространство» в научном и философском познании.

Зафиксировать основные этапы этой эволюции позволяет выдвинутая в отечественной философии науки концепция смены моделей научного познания [30; 39, с.560–566]. Согласно этой схеме, в историческом развитии науки сменилось три таких модели (классическая, неклассическая и постнеклассическая), каждой из которых была присуща определённая научная картина мира и тесно сопряженные с ней основополагающие (парадигмальные) эпистемологические принципы. В классической модели, трактовавшей мир строго монистически, пространство мыслилось как единая и единственная, абсолютная целостность, независимая от времени и однородная по своим свойствам; как бесконечная «пустая форма», вмещающая все объекты. В физике, а затем и в других естественных науках подобное, имеющее ещё античные корни, понимание пространства распространилось благодаря работам И. Ньютона, заслуга же утверждения его в философии и социогуманитарном знании принадлежит в первую очередь И. Канту. Классическая концепция пространства доминировала в донаучный и ранний научный периоды развития географии, вплоть до первой половины XX в. На ней базировался антропоцентризм, хорологизм и эмпиризм большинства гео-

графических исследований этого времени, видевших свою цель во всё более исчерпывающей и точной инвентаризации различных локализованных в пространстве объектов [11, с.11–16; 24, с.60–62].

Одним из главных результатов неклассической научной революции, вызванной релятивистским переворотом в физике и резко ускорившимся с конца XIX в. процессом дисциплинарной дифференциации научного знания, стала дискредитация представления о пространственной (и временной) целостности мира. Её место заняла идея о множественности форм бытия (реальностей), о плюрализме пространственно-временных континуумов, обладающих специфическими, асимметричными свойствами и закономерностями. Плюрализации реальности сопутствовал переход от эмпирического элементаризма к холизму, то есть обнаружение внутренней связности и целостности, системности отдельных «миров».

Вскоре по возникновении неклассической парадигмы в её развитии наметились две линии, которые условно можно назвать субъективистской и объективистской. Субъективистский подход¹ к выделению различных пространств и их сегментов рассматривал их как продукты когнитивной и поведенческой активности индивидуальных и групповых субъектов, как «социальные конструкторы». В своём предельном выражении это подход вёл к радикальному релятивизму и волонтаризму, к принципиальному отрицанию возможности какой-либо единой теории пространства. Именно субъективистская версия неклассической парадигмы уже в 50-е гг. XX в. возобладала в конкретно-научных пространственных (географических в широком смысле) исследованиях и оказала решающее влияние на становление в это

¹ Философскими основаниями этого подхода в разное время выступал целый ряд учений – от позитивизма и феноменологии до постструктурализма (постмодернизма).

время в США региональной науки [10; 11, с.61–62].

Объективистский подход, долгое время находившийся в тени своего конкурента, напротив, исходил из того, что в основе множественности и разнообразия пространств и их дифференциаций лежит независимая от человеческого целеполагания внутренняя сложность материальной реальности. Для сторонников этого подхода было характерно стремление к поиску закономерных связей между системами, принадлежащими к разным уровням пространства. Еще в XIX в. теоретические исследования в этом направлении (как в натуро-, так и в социоцентрической перспективе) проводили К. Маркс, Ф. Ратцель, В. де ла Блаш и В.В. Докучаев. В XX в. объективистский подход к пространству получил наиболее полное и систематическое развитие во французской геоистории и в советской социально-экономической географии.

Внутренние противоречия и неспособность к построению общенаучной картины мира в последней трети XX в. привели неклассическую парадигму к кризису, который создал условия для формирования новой, постнеклассической модели науки. Постнеклассическая парадигма возникла в результате соединения принципов объективистской версии неклассической науки с некоторыми конкретно-научными достижениями современного естествознания, а точнее – синергетики, эволюционной биологии и нестационарной космологии. От своей предшественницы постнеклассическая наука унаследовала принципы пространственно-временного плюрализма и системности. Вместе с тем, постнеклассическая парадигма ориентирована на создание синтетической трансдисциплинарной картины мира, единство которой должно основываться на идеях универсальной эволюции вселенной и наличии в ней константных величин (фундаментальных физических постоянных). В свете этой парадигмы вселенная предстаёт в виде коэво-

люционирующей иерархии гетерогенных и гетерономных динамических систем, являющихся материальными носителями различных видов пространства [12].

Таким образом, в настоящее время развитие философии и науки уже подготовило предпосылки для конкретно-научной постановки и решения вопроса о сущности и механизмах отношений различных видов природного и общественного пространств или, что более точно, соответствующих им типов объектов и их систем. На этой основе регионоведение может более корректно сформулировать проблему региона в его тотальном смысле, как интегрального единства многих пространств, и тем самым прийти к более полной и познавательной эффективной модели своего сложного предмета. Рассмотрению некоторых актуальных вопросов, связанных с реконструкцией такой модели, и будет посвящена остальная часть этой работы.

Мультипарадигмальность современного регионоведения

Процесс формирования теории региона и консолидации вокруг неё полидисциплинарных региональных исследований наталкивается сегодня на ряд важных препятствий. Первым и наиболее фундаментальным из них является уже упомянутая парадигмальная неоднородность и даже «расколотовость» региональных исследований. В современном регионоведении одновременно сосуществуют и применяются все три названные выше парадигмы научного знания. При этом приверженность учёных той или иной модели научности далеко не всегда является сознательной¹. Тем не менее, целевая направленность конкретных региональных исследований и применяемый в них понятийный

¹ По-видимому, для России, пережившей после демонтажа в 1990-е гг. идеологической и вкупе с ней философской надстройки над наукой период настоящего методологического одичания, это свойственно особенно.

аппарат, как правило, позволяют идентифицировать парадигмальные предпочтения их авторов вполне однозначно. Руководствуясь этими критериями, можно констатировать, что и сегодня бóльшая часть исследований, относящих себя к категории региональных, базируется на принципах классической научности. Это прежде всего касается работ, преследующих описательные цели, посвящённых изучению объектного или событийного содержимого регионального образования того или иного пространственного уровня (типа). Эти научные работы обычно либо опираются на собирательные, суммативные определения региона, либо вообще обходятся без таковых, по умолчанию привязывая свои предметно-пространственные границы к существующей формально-правовой, административно-территориальной сетке. Так или иначе, в данной разновидности исследований понятие региона играет роль некоей внешней рамки, сводящей изучаемые процессы и явления воедино, но сущностно с ними не связанной [напр.: 20].

К неклассической парадигме можно причислить не только описательные, но и объяснительные исследования, ориентированные на познание региона как некоей системной целостности. При этом используемые в них определения региона (их часто называют функциональными или отраслевыми [33, с.8–9]) сфокусированы на организации какого-либо одного вида (уровня) пространства – геологического, биологического, экономического и т.д. [4; 21; 37]. От существования других видов пространства, в том числе смежных с исходным таксоном, авторы таких исследований абстрагируются или же (что является другим вариантом подобной редукции) трактуют их как прямые проекции интересующего их функционального региона, обусловленные присущими ему факторами и закономерностями.

В последние двадцать лет в регионаловедении наблюдается рост количества пока ещё немногочисленных научных работ,

выполненных в парадигме постнеклассической науки [2; 9; 24; 25]. Эти исследования в основном нацелены на решение объяснительных, теоретических задач региональной науки, хотя это, безусловно, не говорит о невозможности применения принципов той же парадигмы и в сугубо описательных целях. Как бы то ни было, для постнеклассических регионоведческих исследований характерна опора на различные интегральные (или иерархические) дефиниции региона, представляющие его в виде процесса исторического взаимодействия (или, в иной терминологии, динамической интегральной системы) ряда функциональных региональных образований, относящихся к различным пространственным (и временным) континуумам. Даже учитывая очень неодинаковое качество конкретных результатов таких исследований, именно с этим подходом связаны перспективы дальнейшего развития теории региона и регионоведения как целостной науки.

Здесь следует подчеркнуть, что сама по себе мультипарадигмальность – вполне обычное и даже необходимое для науки явление, отражающее значительную неравномерность её развития, как на общенаучном, так и на отраслевом уровне. Однако в тех научных областях и проблемах, где пройденный наукой путь (с точки зрения объёма накопленных знаний и меры их теоретической организации) уже позволяет начать применение наиболее эффективной из существующих на сегодня парадигм, ограничение исследований старыми парадигмальными рамками было бы равнозначно их искусственному торможению.

Сказанное, разумеется, не означает, что переход к новой парадигме должен дать немедленный и непосредственный эвристический эффект. Обновление основополагающих методологических принципов представляет собой только первый шаг к решению стоящих на повестке современной регионалистики специально-научных, теоретических проблем. К числу

таких основных проблем, нерешённость которых препятствует сегодня созданию интегральной теории региона, можно отнести следующие:

- дифференциация и типологизация функциональных регионов, принадлежащих к различным уровням (видам) пространства;

- выявление содержания и механизма связей между регионами различного типа;

- выделение базовых типов региона как основы для построения концепций конкретных интегральных региональных систем;

- определение объективных ограничений в управлении интегральными региональными системами.

Дифференциация и типологизация функциональных регионов

Обращаясь к первой из намеченных проблем¹, необходимо сказать, что её, по видимому, можно считать наиболее трудноразрешимой. Объёмность и междисциплинарная значимость вопроса разграничения и типологизации различных региональных систем способствовала появлению огромного спектра ответов на него, основанных порой на несопоставимых критериях. Сама многочисленность этих ответов и невозможность их систематизации указывают на то, что данная проблема, судя по всему, не может быть решена индуктивным, эмпирическим путём. Она слишком тесно связана с проблемами типологизации пространств и изучающих их естественных и общественных наук и, в конечном счёте, должна рассматриваться на уровне общенаучной картины мира или, пользуясь философским языком, онтологии.

Крайне недостаточно изучаемые и

¹ В разных формулировках эти проблемы уже многократно ставились в научной и философской литературе ранее. См.: [18].

обсуждаемые сегодня (как в России, так и за рубежом) вопросы онтологических оснований науки [1, с.54–57], в 60-е – 80-е гг. XX в. активно разрабатывались советскими философами и учёными. На базе диалектико-материалистической концепции Ф. Энгельса [38] ими была создана классификация (правильнее – типология) форм движения материи, послужившая в свою очередь основой для ряда классификаций наук². В упомянутой классификации форм движения материи выделяются следующие формы: физическая (группа физических форм), химическая, геологическая, географическая, биологическая и социальная³. Советские исследователи предпочитали рассматривать социальную форму движения материи как неделимую, не требующую внутренней вертикальной дифференциации целостность, сводимую ими к процессу материального производства и воплощающим его социально-экономическим системам [15, с.155, 242–252]. Метод классификации (типологизации) предполагал, что каждой из форм движения материи соответствуют специфические пространство и время, свойства и законы образующих её элементов, а также особый тип их системной организации. В рамках классификации формы движения материи, соответствующие им пространства и системы располагались в порядке их исторического возникновения (онтогенеза и филогенеза) и возрастания структурной сложности (от низшего к высшему) [15, с.54–127].

Данная типология форм движения материи и пространств в советский период оказывала своё влияние и на конкретные пространственные (географические) исследования, в том числе посвящённые вопросам районирования и регионального планирования [11, с.67–71]. Впрочем, и в то время её потенциал использовался ог-

² Наиболее известная из этих классификаций принадлежит Б.М. Кедрову.

³ Здесь приводится упрощённый (линейный) вариант классификации.

раниченно, в той мере, в какой это казалось целесообразным с точки зрения задач государственной экономической политики, являвшихся безусловным приоритетом в развитии региональной науки в СССР. В современных же российских региональных исследованиях влияние этой концепции прослеживается лишь спорадически, в основном на уровне отдельных понятий. В этом отношении российская регионалистика всё более приближается к западной региональной науке, с характерной для неё прикладной, экспертно-сервисной ориентацией и пренебрежением к слишком отвлечённым научно-философским категориям.

Результатом такой эволюции является умножение разного рода искажений в дифференциации и типологизации регионов, среди прочего допускаемых и в исследованиях, нацеленных на изучение интегральных региональных систем. Эти искажения можно разделить на три основные разновидности: 1) неполнота дифференциации регионов различного типа (что чаще всего выражается в недифференцированности природных регионов, разнокачественность которых «снимается» в общих терминах «природа», «природные ресурсы», «географическая среда», «экологическая среда» и т.п. [3]); 2) методологическая некорректность (произвольность) дифференциации функциональных регионов (примером этому служит разделение региональной системы на эколого-географическую, социальную, экономическую и политико-правовую подсистемы [14]); 3) нарушение логического (иерархического) порядка при типологизации функциональных регионов (следствием чего становятся такие эклектичные синтетические концепты, как, например, «социо-эколого-экономический регион» [19]). Перечисленные искажения, малозаметные и часто некритичные на уровне эмпирических исследований, способны привести к серьёзным трудностям при обобщении их выводов и разработке интегральной теории

региона.

Максимальная полнота и корректность дифференциации функциональных региональных систем, принадлежащих к различным видам пространства, соблюдение логической последовательности при их типологизации являются той необходимой основой, без которой дальнейшее понятийное и теоретическое развитие регионоведения становится невозможным. В решении этих задач сегодня было бы продуктивным опереться на диалектико-материалистическую типологию форм движения материи и опыт её применения в советских региональных исследованиях. При этом данная типология должна быть обновлена с учетом постнеклассической картины мира, основанной на результатах современного естествознания, а также дополнена определениями ряда новых форм движения материи (форм бытия), которые ранее были «растворены» в неоправданно широкой категории «социальной формы». Здесь, на наш взгляд, можно было бы взять за основу уже получившую признание во многих социогуманитарных науках функциональную схему Т. Парсонса, дифференцирующую социальную (общественную) систему на четыре иерархически упорядоченные подсистемы: экономическую, политическую, социетальную (социальную) и подсистему сохранения и воспроизводства образца (культурную) [23, с.786–804]. Безусловно, все теоретические варианты дифференциации и типологизации форм бытия, пространств и региональных систем следует рассматривать только как гипотезы, подлежащие проверке и, исходя из результатов их использования в конкретных региональных исследованиях, необходимому изменению.

Связи между функциональными регионами

Изучение вопросов дифференциации и типологизации функциональных регионов закономерно подводит к проблеме вы-

явления содержания и механизма (структуры) связей, соединяющих их в интегральную региональную целостность. На наличие и общий характер таких связей указывает уже сама логика типологии регионов, её генетическая и структурная иерархичность. Постановка проблемы субстанционального содержания и процессуальной структуры связей между функциональными регионами позволяет перейти от этой общей онтологической логики на более частный, конкретно-научный уровень анализа.

Если между функциональными регионами разного типа существуют причинные¹ связи, то они должны иметь субстанциональную основу. Со времён создания В.И. Вернадским теории биосферы в науке утвердилось представление, что содержанием связей систем различных уровней иерархии является обмен энергией и веществом, которые меняют свою форму и свойства при переходе от одного уровня к другому. В регионоведческих исследованиях (особенно социогуманитарных) всевозможные формы энергии и вещества часто фигурируют под термином «ресурсы», хотя содержание последнего является более узким, предметным. Во второй половине XX в. наряду с понятиями «энергия» и «вещество» исследователи стали активно использовать понятие «информация», что отражало как процесс распространения системного (кибернетического) подхода, так и осознание возрастающей роли среди причинных связей в обществе и природе управленческих воздействий. Впрочем, относительно соотношения понятия «информация» с понятиями «энергия» и «вещество» и возможных границ его применения консенсуса в философии и науке до сих пор нет.

Исходя из структурного порядка причинных связей, а точнее, такой его со-

ставляющей как системный статус, прежде всего следует провести их разделение на горизонтальные и вертикальные. Горизонтальные связи соединяют элементы одной формы движения материи, одного пространственного уровня, конституируя тем самым функциональные региональные системы. Вертикальные связи соединяют элементы разных форм движения материи, разных слоёв пространства. Именно вертикальные причинные связи обеспечивают существование интегральных региональных систем – от сравнительно хорошо изученных двух- и трёхуровневых до (пока гипотетических) тотальных. Примерами интегральных региональных систем разной сложности служат ландшафты, социально-экономические системы, геосистемы и экосистемы [11, с.25–37; 15, с.159–161; 31, с.41–59]. С делением связей на горизонтальные и вертикальные, по-видимому, тесно сопряжена их дифференциация на детерминистские и стохастические. Причинные зависимости между входящими в состав интегральных региональных систем функциональными системами (в отличие от внутренних связей в последних) имеют скорее не жёстко-однозначный, но вероятностно-стохастический характер [36], что, в частности, нашло отражение в известной концепции географического POSSIBILISMA.

Другой структурной характеристикой (наряду с системным статусом) каузальных связей между функциональными регионами является их траектория, пространственно-временной порядок. По этому критерию вертикальные связи можно разделить на циклические и линейные. Циклические, круговые формы причинности между уровнями реальности (формами движения материи) были выявлены естественными науками, в том числе науками о Земле, по крайней мере, ещё в XIX в., задолго до появления общей теории систем. С возникновением системного подхода и практически синхронным с ним образованием региональной науки циклы различного содержания и масштаба надолго стали,

¹ Под причинными здесь понимаются все возможные объективные формы зависимости между явлениями.

по сути, основным изучаемым регионоведами видом вертикальных связей. Существование циклических вертикальных связей – от глобального общественно-природного кругооборота вещества и энергии, тепло-влагообменного цикла в географической оболочке и биогеохимического цикла в биосфере до ресурсных циклов в отдельных отраслях территориально-производственных комплексов [29, с.8–12; 34, с.202–206] – служит на сегодня наиболее фундаментальным аргументом в пользу системной целостности интегральных регионов. Вместе с тем, взаимные отношения вертикальных циклов, системообразующих для интегральных регионов разного уровня, до сих пор во многом остаются неясными, что обусловлено как упоминавшимися искажениями в дифференциации и типологизации функциональных регионов, так и недостаточной изученностью самих циклических процессов.

Линейные вертикальные связи, то есть однонаправленные, необратимые причинные зависимости, становятся предметом регионоведческих исследований значительно реже. Изучение линейной причинности (в её целевой, телеологической форме) традиционно считалось делом социогуманитарных дисциплин, первыми обратившихся к проблемам управления. Однако возникновение кибернетики и создание концепций управленческих циклов в политологии и экономике [35, с.178–187] способствовало резкому сужению использования принципа линейной причинности во всех отраслях науки, включая и регионоведение. Региональное управление сегодня рассматривается обычно как циклический процесс [13, с.217–220], взаимодействующий с иными естественными и искусственными циклами функционирования интегральных регионов и включающий в качестве одной из фаз целеполагание и целенаправленную активность органов власти и общества в целом. Впрочем, распространение постнеклассической парадигмы может привести к реабилитации в регио-

новедении нециклических вертикальных связей в такой их новой форме как аутопоэтическая (самопроизводящая) причинность, впервые открытая в синергетике и эволюционной биологии. Аутопоэтическую причинность можно определить как возникновение в динамике сложноорганизованных систем необратимых (конструктивных или деструктивных) следствий случайного взаимодействия циклических процессов, свойственных для входящих в них гетерогенных и гетерономных компонентов (субсистем)¹. Высокая степень сложности всякого интегрального региона, значительная разнородность, разнонаправленность и потенциальная конфликтность образующих его вертикальных и горизонтальных циклов позволяют считать аутопоэтическую причинность весьма перспективным методологическим инструментом региональных исследований.

Базовые регионы

Как уже отмечалось, постнеклассическая парадигма базируется на плюралистическом мировоззрении, на идее полицентрического взаимодействия, коэволюции различных уровней пространства и типов систем. Однако это не означает признания равной значимости всех взаимодействующих центров (что было бы равносильно индетерминизму) и не снимает вопроса о выборе исходного уровня анализа, приоритетного объекта изучения. Этот вопрос имеет особенную остроту для эмпирических и прикладных исследований, где учёный связан многими пространственными, временными, финансовыми и иными ограничениями и уже поэтому вынужден сужать фокус своего внимания. В регионоведении решение этого вопроса предполагает определение базового типа функционального региона, который мог бы послу-

¹ Примером концепции интегральной системы, основанной на аутопоэтической причинности, может служить теория исторических циклов П. Турчина. См.: [40].

жить основой для концептуальной реконструкции (моделирования) интегральной региональной системы в целом.

Вопрос об исходном уровне анализа так или иначе ставится во многих исследованиях, затрагивающих проблематику интегральных регионов [7, с.29–31; 26, с.7–10]. В советский период за исходный и важнейший уровень анализа обычно принимались территориальные хозяйственные (экономические) системы или территориально-производственные комплексы. В постсоветском российском регионоведении на эту роль чаще всего претендуют административно-территориальные (политические) образования¹. В зарубежных региональных исследованиях, с преобладающими в них антропо- и культуроцентризмом, при реконструкции интегральных регионов приоритет нередко отдаётся «ареалам идентичностей», культурно-идеологическим регионам, в том числе созданным усилиями разного рода эпистемических сообществ [17; 27, с.11–31]. Перечисленные подходы к моделированию интегральных регионов, сами по себе вполне допустимые, в большинстве случаев приводят к некорректным редукциям и односторонне-детерминистским выводам. Некорректность упрощения при этом проявляется в прямом переносе свойств и даже законов «главного» функционального региона на входящие в предполагаемую интегральную систему регионы других типов, а детерминизм – в недооценке силы «встречного» воздействия с их стороны. Примером редукционистского переноса свойств исходного региона на другие может быть проецирование на них его пространственных границ. Подобная «подгонка», скажем, под границы административно-территориальной единицы контуров «подведомственных» ей социальных, экономических, биологических, геологиче-

ских и т.п. регионов, при очевидном удобстве и кажущейся на описательном уровне невинности, на этапе обобщения и объяснения собранных данных может привести к накоплению такого объёма погрешностей, который способен превратить концепцию интегрального региона в бесполезную фикцию.

Одним из общих способов минимизации такого рода искажений является выбор в качестве исходного уровня анализа базового функционального региона. Базовым предлагается называть функциональный регион, объективно занимающий в соответствующем интегральном регионе ведущее положение, основными признаками которого являются относительно более высокая скорость развития (структурных изменений) данного функционального региона и относительно большая сила воздействия на другие функциональные регионы, измеряемая как в горизонтальной, так и в вертикальной (уровневой) дальности вызываемых этим воздействием эффектов. Из типологии форм движения материи и концепции цикличности их вертикальных связей следует, что никакой базовый регион не может односторонне детерминировать динамику других функциональных регионов, а тем более «подменять» их свойства, структуру и законы собственными. Кроме того, необходимо учитывать, что «базовость» любого функционального региона является не абсолютным, а переменным качеством. В зависимости от исторической стадии развития общества и конкретных географических (природных) условий², базовая роль может смещаться по иерархической вертикали данной интегральной региональной системы. Отсюда вытекает задача создания не универсальной (глобальной и общеисторической) теории интегрального региона, но серии исторически и географически лока-

¹ В этой роли обычно выступают «субъекты РФ». Данный термин сегодня фактически служит синонимом региона в самом широком, тотальном смысле [22, с.16, 40].

² Эти условия определяют гетерохронность развития разных интегральных регионов, входящих в одну общественно-природную систему.

лизованных концепций, объединённых общими методологическими принципами и понятийным аппаратом, и при этом построенных на основе базовых регионов разного типа.

Пределы регионального управления

Вопросы редуционизма и детерминизма в моделировании интегральных регионов имеют непосредственное отношение к проблеме определения объективных пределов управления последними. Некорректное сведение сложной системы интегрального региона к свойствам и закономерностям одного из входящих в неё функциональных регионов, как правило, подталкивает к восприятию такого интегрального региона в качестве пассивного объекта управления, способного в лучшем случае только к реактивному отклику на управляющее воздействие. Наиболее ярко и драматично игнорирование самодовлеющей роли и активности интегральных регионов (и каждого из входящих в них функциональных регионов) проявляется в такой форме управления, как регионостроительство [17; 28]. Постмодернистское по происхождению представление о том, что регион в его тотальном смысле может возникнуть как продукт некой «дискурсивной практики», свободного творчества группы экспертов и политиков, в настоящее время широко распространено не только в зарубежной, но и в отечественной науке. До недавних пор ссылки на европейский (конструктивистский по преимуществу) опыт регионостроительства можно было встретить не только в научно-аналитических публикациях, но и в нормативно-правовых документах РФ, посвящённых вопросам регионального управления и трансграничного сотрудничества [4, с.99–116].

Европа, а точнее, страны ЕС, действительно выступают сегодня полигоном активной региональной поли-

тики, в результате которой здесь практически ежегодно возникают новые внутренние и особенно трансграничные региональные образования (еврорегионы) различного масштаба и иерархической сложности [5]. Однако следует учитывать, что такая исключительная интенсивность процессов регионостроительства (и регионализации), при всех эксцессах, имеет под собой очень специфическую, если не уникальную, объективную основу. Европейское пространство на многих природных и общественных уровнях отличается высокой степенью дифференцированности и высокой плотностью горизонтальных структурных связей. Это даёт богатый ассортимент выбора «строительного материала» для разнообразных региональных проектов, неординарные возможности для функционального и интегрального территориального дизайна. В России, в особенности в её азиатской части, природные пространства дифференцированы значительно менее дробно, а общественные (в силу слабоосвоенности) содержат обширные, внутренне почти не структурированные «пустоты». В этих условиях возможный выбор объективно обоснованных конфигураций интегральных региональных систем весьма узок. Как ни странно, это только способствовало (и способствует) регионостроительному волонтаризму. Однако многочисленные территориальные (прежде всего, административно-территориальные) преобразования в последние три века истории России слишком часто носили чисто картографический, виртуальный характер, порождая «вымышленные» регионы-фантомы, которые в дальнейшем становились объектами столь же иллюзорного в своей эффективности управления.

Для того чтобы виртуальность регионостроительства и иных форм регионального управления не оборачивалась вполне реальными и огромными финансовыми, материальными, человеческими и другими издержками, субъекты управле-

ния должны отталкиваться от объективных свойств, структур и границ управляемого интегрального региона, от его действительной многомерной сложности. Даже если региональное управление основано на правильном выборе (в качестве центрального объекта воздействия) базового функционального региона, оно не может отвлечься от структурных особенностей регионов других типов, их собственной активности. Иными словами, оно должно базироваться на возможно более полной реконструкции управляемого объекта, которую только в состоянии дать современные региональные исследования. Каковы бы ни были затраты на такие исследования, потери от отказа от них будут неизмеримо большими. Пока возникновение ноосферы является делом далекого будущего, и человек не стал в полном смысле геологической и регионообразующей силой, управление интегральными регионами будет оставаться в основе своей задачей выбора из ограниченного репертуара возможностей, предоставленных природой и историей, выбора, помощь в котором могла бы оказать единая региональная наука.

Заключение

В настоящей статье не ставилась задача дать развернутое определение предмета и методологии, приверженность которым могла бы обеспечить успешное развитие региональной науки в будущем. Как показывает опыт, подобного рода детальное предметно-методологическое программирование научных поисков редко находит отклик у тех, кто их ведёт, и обычно оказывается бесплодным. Вместе с тем, столь же бесплодной становится и сама исследовательская работа, если она представляет собой сумму «мелких хаотических движений», не направляемых какими-то устойчивыми ориентирами. Данной статьей автор хотел подтолкнуть регионоведов к тому, чтобы они сфокусировали своё внимание на некоторых пробле-

мах, которые могут послужить для них такими ориентирами. В обширном проблемном поле регионоведческих исследований изучению этих предметно-методологических вопросов сегодня отводится неоправданно скромное место. Однако от их решения в первую очередь зависят перспективы превращения этих исследований из неопределённого в своём предназначении конгломерата разнодисциплинарных знаний в предметно и методологически целостную науку, способную к систематическому освоению огромной и пока едва размеченной области природной и общественной реальности.

Список литературы

1. *Ажимов Ф.Е.* Метафизические основания гуманитарного познания: историко-философский анализ. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2011. 264 с.
2. *Бакланов П.Я., Каракин В.П., Шейнгауз А.С.* Природопользование Дальнего Востока России и сопредельных территорий // *Пространственная экономика*. 2005. № 1. С. 27–45.
3. *Вампилова Л.Б.* Комплексный историко-географический анализ региона и его значение для ландшафтных исследований // *Ландшафтоведение: Теория, методы, региональные исследования, практика: Материалы XI Международной ландшафтной конференции / Ред. коллегия: К.Н. Дьяконов (отв. ред.), Н.С. Касимов и др.* М.: Географический факультет МГУ, 2006. С. 91–94.
4. *Вардомский Л.Б.* Российское порубежье в условиях глобализации. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 216 с.
5. *Вовенда А.В., Плотников В.А.* Еврорегионы как фактор успешной международной интеграции в современных условиях // *Балтийский регион*. 2011. № 4. С. 60–68.
6. *Гладкий Ю.Н., Чистобаев А.И.* Регионоведение. М.: Гардарики, 2002. 384 с.
7. *Государственно-территориальное устройство России: реформирование регионального уровня / под ред. В.И. Гришина, В.В. Кистанова.* М.: Финансы и статистика, 2007. 288 с.
8. *Гранберг А.Г.* Основы региональной экономики. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 495 с.

9. Демаков Ю.П., Колесов А.В., Севостьянова Л.И. Территориальные природно-хозяйственные системы: синергетический аспект // Социальная синергетика: предмет, актуальные проблемы, поиски, решения. Йошкар-Ола, 2003. С. 219–237.
10. Изард У. Методы регионального анализа. М.: Прогресс, 1966. 660 с.
11. Исаченко А.Г. Теория и методология географической науки. М.: Академия, 2004. 400 с.
12. Казютинский В.В. Эпистемологические проблемы универсального эволюционизма // Универсальный эволюционизм и глобальные проблемы / Отв. ред.: В.В. Казютинский, Е.А. Мамчур. М.: ИФ РАН, 2007. С. 4–32.
13. Курнышев В.В., Глушкова В.Г. Региональная экономика. Основы теории и методы исследования. М.: КНОРУС, 2011. 272 с.
14. Лазичева Е.А. Региональная система как субъект и объект управления региональным развитием // Известия Томского политехнического университета. 2008. № 6. С. 19–23.
15. Лямин В.С. География и общество (Философские и социологические проблемы географии). М.: Мысль, 1978. 309 с.
16. Макарычев А.С. Регионализм глазами конструктивизма: агенты, структуры, идентичности // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2010. № 3. С. 137–150.
17. Макарычев А.С. Регионостроительство: концептуальные контексты. URL: <http://www.kazanfed.ru/actions/konfer3/doklad8/> (дата обращения: 10.04.2014).
18. Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Общественное развитие: междисциплинарные взаимодействия пространственных проекций // Пространственная экономика. 2011. № 4. С. 124–134.
19. Моделирование социо-эколого-экономической системы региона / Под ред. В.И. Гурмана, Е.В. Рюминой. М.: Наука, 2003. 175 с.
20. Некрас Ю.В., Табаченко А.А., Носовский В.С., Авдеев Ю.В., Малышев Е.А. Продовольственная безопасность и ее обеспечение в Дальневосточном федеральном округе. Владивосток: Дальнаука, 2011. 370 с.
21. Основы региональной геологии СССР / Цейслер В.М., Караулов В.Б., Успенская Е.А., Чернова Е.С. М.: Недра, 1984. 358 с.
22. Основы регионоведения / Под ред. И.Н. Барыгина. М.: Гардарики, 2007. 399 с.
23. Парсонс Т. О социальных системах / Под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. М.: Академический проект, 2002. 832 с.
24. Пузаченко Ю.Г. Ландшафт как динамическая система // Ландшафтоведение: Теория, методы, региональные исследования, практика: Материалы XI Международной ландшафтной конференции / Ред. коллегия: К.Н. Дьяконов (отв. ред.), Н.С. Касимов и др. М.: Географический факультет МГУ, 2006. С. 44–46.
25. Региональные процессы современной России / отв. ред. В. В. Сухомлинова. Биробиджан: Биробиджанский филиал ФГБОУ ВПО «Амурский государственный университет», 2012. 327 с.
26. Романов М.Т. Территориальное устройство хозяйства и населения на российском Дальнем Востоке. Владивосток: Дальнаука, 2004. 232 с.
27. Севастьянов С.В. Неправительственные участники сотрудничества Восточной Азии: Вклад в развитие регионализации и региональной идентичности. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2009. 212 с.
28. Соколов В.Н. Новая регионалистика, геополитика и история: проблемы безопасного со-развития России и АТР // Азиатско-тихоокеанские реалии, перспективы, проекты: XXI век. Научные доклады Дальневосточного межрегионального института общественных наук. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2004. С. 159–184.
29. Соколов С.Н. Пространственно-временная организация производительных сил регионов Азиатской России. Автореферат дис. ... доктора географических наук: 25.00.24. Иркутск, 2009. 45 с.
30. Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.
31. Трансграничный регион: понятие, сущность, форма / Науч. ред.: П.Я. Бакланов, М.Ю. Шинковский. Владивосток: Дальнаука, 2010. 276 с.
32. Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. 780 с.
33. Федоров Г.М., Корнеевец В.С. О сущности и соотношении понятий «регион», «международный», «транснациональный» и «трансграничный» регион // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2010. № 3. С. 8–14.
34. Холина В.Н. Основы экономики природопользования. СПб.: Питер, 2005. 672 с.
35. Чилкот Р.Х. Теории сравнительной политологии. В поисках парадигмы. М.: Инфра-М,

Издательство «Весь мир», 2001. 560 с.

36. Чистяков К.В. Географический детерминизм и ландшафтный прогноз // Ландшафтоведение: Теория, методы, региональные исследования, практика: Материалы XI Международной ландшафтной конференции / Ред. коллегия: К.Н. Дьяконов (отв. ред.), Н.С. Касимов и др. М.: Географический факультет МГУ, 2006. С. 25–29.

37. Шинковский М.Ю. Российский регион: становление политического режима в условиях глобализации. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2000. 336 с.

38. Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.20. М.: Госполитиздат, 1961. С. 343–628.

39. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: «Канон+»; РООИ «Реабилитация», 2009. 1248 с.

40. Turchin P. Historical Dynamics. Why States Rise and Fall. Princeton: Princeton University Press, 2003. 245 p.

References

1. Ajimov F.E. *Metaphysical Foundations of Humanitarian Knowledge: Historical and Philosophical Analysis*. Vladivostok, 2011. 264 p. (In Russian)

2. Baklanov P.Ia, Karakin V.P., Sheingauz A.S. Nature Use of the Russian Far East and Adjacent Territories. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], 2005. No. 1. Pp. 27–45. (In Russian)

3. Vampilova L.B. Complex Historical and Geographical Analysis of the Region and Its Importance for Landscape Research. In: *Landscape: Theory, Methods, Regional Studies, Practice: Proceedings XI International Landscape Conference*. Ed. by K.N. Diakonov, N.S. Kasimov et al. Moscow: 2006. Pp. 91–94. (In Russian)

4. Vardomskii L.B. *Russian Borderlands in Condition of Globalization*. Moscow, 2009. 216 p. (In Russian)

5. Vovenda A.V., Plotnikov V.A. Euroregions as a Factor of Successful International Integration in Modern Conditions. *Baltijskij region* [Baltic region], 2011. No. 4. Pp. 60–68. (In Russian)

6. Gladkii Y.N., Chistobaev A.I. *Regional Studies*. Moscow, 2002. 384 p. (In Russian)

7. *State and Territorial Structure of Russia: Reforming of the Regional Level*. Ed. by V.I. Grishin, V.V. Kistanov. Moscow, 2007. 288 p. (In Russian)

8. Granberg A. *Basics of the Regional Economy*. Moscow, 2000. 495 p. (In Russian)

9. Demakov Iu.P., Kolesov A.V., Sevostianova L.I. Territorial Natural-Economic Systems: a Synergistic Aspect. In: *Social Synergetics: Subject, Topical Problems, Finding Solutions*. Yoshkar-Ola, 2003. Pp. 219–237. (In Russian)

10. IZARD W. *Methods of Regional Analysis*. Moscow, 1966. 660 p. (In Russian)

11. Isachenko A.G. *Theory and Methodology of Geography*. Moscow, 2004. 400 p. (In Russian)

12. Kaziutinskii V.V. Epistemological Problems of Universal Evolutionism. In: *Universal Evolutionism and Global Issues*. Ed. by V.V. Kaziutinskii, E.A. Mamchur. Moscow, 2007. Pp. 4–32. (In Russian)

13. Kurnyshev V.V., Glushkova V.G. *Regional Economy. Basic Theory and Research Methods*. Moscow, 2011. 272 p. (In Russian)

14. Lazicheva E.A. Regional System as Subject and Object of Regional Development. *Izvestija Tomskogo politehnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk Polytechnic University]. 2008. No. 6. Pp. 19–23. (In Russian)

15. Liamin V.S. *Geography and Society (Philosophical and Sociological Problems of Geography)*. Moscow, 1978. 309 p. (In Russian)

16. Makarychev A.S. Regionalism in the Eyes of Constructivism: Agents, Structures, Identities. *Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i kulture* [NZ: Debates on Politics and Culture]. 2010. No. 3. Pp. 137–150. (In Russian)

17. Makarychev A.S. *Region-building: Conceptual Contexts*. Available at: <http://www.kazanfed.ru/actions/konfer3/doklad8/> (accessed 10 April 2014). (In Russian)

18. Minakir P.A., Demyanenko A.N. Societal Development: Interdisciplinary Interaction of Spatial Projections. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], 2011. No. 4. Pp. 124–134. (In Russian)

19. *Modelling Socio-Ecological-Economic System of the Region*. Ed. by V.I. Gurman, E.V. Rimina. Moscow, 2003. 175 p. (In Russian)

20. Nekras Iu.V., Tabachenko A.A., Nosovskii V.S., Avdeev Iu.V., Malyshev E.A. *Food Safety and Securing in the Far Eastern Federal District*. Vladivostok, 2011. 370 p. (In Russian)

21. *The Basics of Regional Geology of the USSR*. By V.M. Tseisler, V.B. Karaulov, E.A. Uspenskaia, E.S. Chernov. Moscow, 1984. 358 p. (In Russian)

22. *Basics of Regional Studies*. Ed. by I.N. Bary-

- gin. Moscow, 2007. 399 p. (In Russian)
23. Parsons T. *On Social Systems*. Moscow, 2002. 832 p. (In Russian)
24. Puzachenko Iu.G. Landscape as a Dynamic system. In: *Landscape: Theory, Methods, Regional Studies, Practice: Proceedings XI International Landscape Conference*. Ed. by K.N. Diakonov, N.S. Kasimov et al. Moscow, 2006. Pp. 44–46. (In Russian)
25. *Regional Processes of Modern Russia*. Ed. by V.V. Suhomlinova. Birobidzhan, 2012. 327 p. (In Russian)
26. Romanov M.T. *Territorial Structure of Economy and Population in the Russian Far East*. Vladivostok, 2004. 232 p. (In Russian)
27. Sevastianov S.V. *Non-governmental Actors of Cooperation of East Asia: Contribution to the Development of Regionalization and Regional Identity*. Vladivostok, 2009. 212 p. (In Russian)
28. Sokolov V.N. New Regionalism, Geopolitics and History: the Issue of Safe Co-development of Russia and APR. In: *Asia-Pacific Realities, Prospects, Projects: XXI century. Scientific Reports of the Far Eastern Interregional Institute of Social Sciences*. Vladivostok, 2004. Pp. 159–184. (In Russian)
29. Sokolov S.N. *Spatio-temporal Organization of the Productive Forces of the Asian Regions of Russia*. Irkutsk, 2009. 45 p. (In Russian)
30. Stepin V.S. *Theoretical Knowledge*. Moscow, 2000. 744 p. (In Russian)
31. *Transboundary Region: Concept, Essence, Form*. Ed. by P.Ia. Baklanov, M.Iu. Shinkovskii. Vladivostok, 2010. 276 p. (In Russian)
32. Turovskii R.F. *Political Regional Science*. Moscow, 2006. 780 p. (In Russian)
33. Fedorov G.M., Korneevets V.S. On the Nature and Relationship between the Concepts of «Region», «International», «Transnational» and «Transborder» Region. *Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta* [Bulletin of the Immanuel Kant Russian State University]. 2010. No. 3. Pp. 8–14. (In Russian)
34. Kholina V.N. *Basics of Environmental Economics*. St. Petersburg, 2005. 672 p. (In Russian)
35. Chilcot A.D. *Theory of Comparative Politics. In Search of a Paradigm*. Moscow, 2001. 560 p. (In Russian)
36. Chistiakov K.V. Geographical Determinism and Landscape Forecast. In: *Landscape: Theory, Methods, Regional Studies, Practice: Proceedings XI International Landscape Conference*. Ed. by K.N. Diakonov, N.S. Kasimov et al. Moscow, 2006. Pp. 25–29. (In Russian)
37. Shinkovskii M.Iu. *Russian Region: the Formation of the Political Regime in the Context of Globalization*. Vladivostok, 2000. 336 p. (In Russian)
38. Engels F. Dialectics of Nature. In: *K. Marx and F. Engels, Coll.* 2nd ed. Vol. 20. Moscow, 1961. Pp. 343–628. (In Russian)
39. *Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science*. Moscow, 2009. 1248 p. (In Russian)
40. Turchin P. *Historical Dynamics. Why States Rise and Fall*. Princeton: Princeton University Press, 2003. 245 p.

Для цитирования:

Киреев А.А. Понятие «регион» и предметно-методологические проблемы регионоведения // Регионалистика. 2014. Т. 1. № 1. С. 18–32.

For citing:

Kireev A.A. The Concept of «Region» and Subject-Methodological Problems of Regional Science. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2014. Vol. 1. No. 1. Pp. 18–32. (In Russian)

